

Карантин, день 1

Мои дороги не ведут в Рим. Площадь моих дорог составляет пятьдесят квадратных метров. Из кухни в гостиную, из гостиной в спальню, из спальни в коридор—ванную—туалет. Пожалуй, всё. Это мой лабиринт: узкий, кривой и нескончаемый. В моём лабиринте внезапно появились другие—члены моей семьи. Когда пятеро взрослых и один малолетний встречаются вечером после работы—это ничего, но сейчас мы вынуждены видеть друг друга с утра до ночи, днём и вечером, каждую минуту, секунду встречаться взглядами, слышать, взрывать, орать, ненавидеть и показывать своё отношение друг к другу. Я хочу ускорить это чёртово время, хочу утопить все маски, павильоны новостей, откуда бесконечно передаются слова «карантин», «пандемия», «коронавирус». На столе появляются тарелки, хлеб, запечённая курица и спагетти. Мы взяли стол в окружение, наши мысли тянутся так же, как спагетти из тарелок переходят в наши рты. Острые зубцы вилок терзают уже дохлую и запечённую птицу, которая так никогда и не успела взлететь. Мать сердито смотрит на отца: «Жуй тише». Отец взглядом Минотавра отвечает матери: «Ты поешь, мы уж потом поговорим».— «Ну хватит уже»,—сестра повышает голос, брат угрожающе перебивает: «Когда же я уйду от вас? От вас невозможно избавиться. Это полный дурдом!» Мой сын плачет, а затем подключается к другу: «Сейчас кого убивать будем? Запри его в ящик, чтоб не смог выйти. Хана, хана, хана!» Кладу в рот спагетти, чтобы не вмешиваться. Я, кажется, температуру. Видимо, на нервной почве. «Апчхи!»—чихнула мать. «Ничего себе, не хватало, чтобы ты заболела и нас заразила»,—усмехается сестра, вместо того чтобы пожелать здоровья, и считает, сколько ещё нам предстоит сидеть дома. «Обычная история. Надо же было так наказать человечество! Труп на трупе, видимо, все умрём. Вон, в Италии ни души, все, все помирают»,—констатирует брат и уходит к себе в спальню—дорисовывать цикл картин «Горгона». «Что-что?»—переспрашивает сестра и хохочет как сумасшедшая. «Бездарным коровам знать не дано, ты разбираешься только в искусственных цветах, подаренных твоим таксистом»,—колко отвечает брат. Они кричат друг

на друга, отец матерится, мать плачет. Чувствуется, как они любят друг друга.

Карантин, день 4

«Вот, все умирают, нет Европы. Конец»,—жуя и одновременно глядя в телефон, говорит отец. Я дрожу. Я хочу залезть под стол, как в детстве, когда наивно думала, что так мать не сможет найти меня, я хочу проснуться из этой реальности, хочу найти выход из своего лабиринта и уехать к своему возлюбленному, который ждёт меня в Риме. Да, в отличие от своих домочадцев, я безработная; я никогда не работала. Успела лишь окончить школу, университет, выйти замуж, родить ребёнка, развестись, вернуться обратно. Вернуться, сидеть, ждать, ждать, крепко сядя на стуле, дать название своему перформансу: «Растить ребёнка». Растить, растить, ребёнок всегда нуждается в опеке, опека требует времени, нужно отложить свои требования. Безработная не имеет права слова, не поднимает голоса, разведёнка—в особенности. Я разведённая и безработная женщина. Как говорит сестра, «классическая паразитка». Я, конечно, не знаю, чем отличается классическая паразитка от неклассической, но она днём и ночью работает (как и остальные члены моей семьи), кормит нас с ребёнком, и я вынуждена делать вид, что ничего такого не слышу. Хотя однажды не сдержалась. Несколько дней назад сын мне сказал: «Ты мне не указывай, делать уроки или нет, классическая паразитка!» Я вышла из себя и дала пощёчину; видимо, получилось слишком сильно, потому что все мгновенно собрались вокруг нас изо всех углов и начали обвинять: «Невоспитанная вырастила невоспитанного!»

Карантин, день 6

Мои слёзы больше не умеют течь снаружи. Они капают поперёк и застревают там, внутри. Прячутся. Как я, от этого мира. Сильные мира устали от своих граждан, граждане—от своих начальников, начальники—от работников, работники—от своих супругов, супруги—от детей, все отказались друг от друга. В итоге не только Дания, как писал Шекспир, но и весь мир превратился в огромную тюрьму. Я в своей тюрьме утвоздилась на маленьком

студе рядом с окном, перед ноутбуком. От нас только Интернет не отказывается. Пока он новенький, не очень-то разбирается в людях. У меня задание: написать рассказ для одного журнала. Сестра смеётся: «Напиши-ка ты про таких же классических паразитов, авось полюбишься читателям, ко всему прочему, ещё и эмигрантка, будет от тебя хоть какой-нибудь толк». Мне захотелось поставленную перед ней тарелку разбить о её коровью морду, но тарелку стало жалко. У нас всего шесть тарелок. Если разобью, из чего же тогда буду есть?

Карантин, день 8

В нашей маленькой московской съёмной квартире к основным членам семьи добавился ещё один — премьер-министр Армении, который, периодически заходя в лайв, появляется среди нас. Это невыносимо. Можно подумать, что отец делает это намеренно, последовательно следя за нашей реакцией. В ответ на это брат демонстративно включает арии из «Нормы», сестра якобы случайно вспоминает, что должна заняться шейпингом, пока не растолстела, и под непонятные ритмичные звуки, трясая своей огромной задницей, начинает опускаться и поднимать грузное тело (она думает, что в её тридцать пять шансы на замужество и беременность сошли к минимуму, из-за чего часто раздражается). Тогда брат, который младше её на пять лет, кричит из спальни: «Ну не делай так, худые коровы приобретают болезненный вид». Я начинаю смеяться, и это моя самая большая ошибка, поскольку все вспоминают, что существую я, младшая в семье, в реальности — двадцативосьмилетняя женщина, смех которой раздражает всех.

Карантин, день 10

Если карантин продлится ещё месяц, думаю, многие семьи с любовью уничтожат друг друга, ведь невыносимо, когда в одном месте собирают людей, друг друга ненавидящих, и заставляют их оставаться дома. Мать заранее закупила продукты. Нет никакой необходимости выходить из дому. А если кто-нибудь из нас заболит, вот тогда начнётся настоящая драма. Никто из нас не имеет гражданства, а срок регистрационных документов уже два месяца как истёк. «Хватит истерить. Кто проверять-то будет?» — говорит отец. Режущий слух голос премьер-министра вновь распространяется по квартире.

Карантин, день 15

Мой ноутбук — моё спасение. Это моё окно в мир, где воздух более чистый, где нет надобности носить медицинские маски, где все... ладно, не все, но некоторые любят меня. Среди них мне сразу понравился он, Марчелло, который живёт в Риме. На самом деле он русский по имени Миша. Он такой же эмигрант, как и я, бесконечно ищущий

свой жизненный путь, цели, свою любовь. Я представила себя с бокалом шампанского, смеющейся и танцующей в фонтане Треви с Марчелло, конечно же, не с Мastroяинни. Эмигрантам приходится несладко. Марчелло тоже нельзя выходить из своей маленькой съёмной квартирki. На стройке сейчас делать нечего, остаётся сидеть взаперти и рисовать. Он рисует облака. Большие, кучевые, слоистые, перистые, разных форм и оттенков. Правда, мне было не по себе, когда он показал непонятно куда движущееся облако загнутой формы и добавил, что перистое облако на картине — я. Признаюсь, было досадно, но потом я остыла и подумала: лучше быть перистым облаком, чем классическим паразитом. Он признался в любви. Это окрыляет.

Карантин, день 22

Сын постоянно сетует: «Когда вырасту, и тогда нельзя будет выходить на улицу?» Продукты питания постепенно заканчиваются. «Пораньше ложитесь спать, чтобы тратить меньше электроэнергии и мало есть», — наставляет мать. Я стараюсь меньше питаться, меньше общаться, меньше думать. Мать наводит порядок в шкафу. И так каждый день. В день два раза. Впечатление, что выводит своих собачек на свежий воздух. Это очень смешно, но и печально. По вечерам она достаёт своё красное платье, которое в последний раз надевала в трёхлетнем возрасте. «Дети, я ведь тоже была ребёнком, вот в этом платье, взяв за руку свою маму, возвращалась из детского сада домой. Меня любили, угощали конфетами. Я устала от своей жизни, я хочу вернуться в детство. Каким хитрым волком ты оказался на моём пути? Апчхи!» Отец, распространяя дым сигарет, из кухни появляется в гостиной. «Неблагодарная ты! Опять начинаешь, опять... Не устала от своего архива? Хочешь, кагись ко всем чертям, тебя никто не задерживает». — «Ты мне должен, верни мою жизнь, ты сожрал её и спрятал в своём огромном брюхе!» — отвечает мать. Слезы опять тихонько начинают укладываться в еле заметные дырочки вязки. Сора начинает набирать обороты, детство матери борется с хладнокровием отца. В неравном бою побеждает появление брата с картинами «Обычная пандемия». На картинах — клетки с открытыми дверцами, а внутри клеток — трупы птиц и животных. «А нет ли среди них колибри?» — спрашиваю я. «Нет, они и без того наказаны, что такие маленькие, я их пощадил». — «Маленькие, как мама, наказанные, как мама, хи-хи, хи-хи!» — хлопает в ладоши, покатывается со смеху сын, поднимая волну хохота в доме.

Карантин, день 23

Я каждый день кормлю голубя. Он залетает на балкон и своим воркованием зовёт меня. Оказывается, Марчелло тоже кормит голубя. Мы решили, что

это наш почтовый голубь, единственный реальный свидетель нашей виртуальной любви. Я стараюсь быть по возможности предусмотрительной. Вдруг подумают, что я делюсь нашим хлебом с какой-то птицей? Ведь нам и самим не хватает еды. Сегодня утром заметила, как сын тайно следит за мной (когда мне было восемь, я не была такой), но сделала вид, что не замечаю. Не хотела поднимать лишний шум. Он вскоре ушёл со своим телефоном — наверное, опять взялся уничтожать виртуальных врагов. Я понимаю, что слаба как мать, женщина, дочь, человек, в конце концов, надо быть более принципиальной и смелой, надо менять свою жизнь. Когда всё это закончится, я обязательно изменю свою жизнь. Возьму свой маленький чемодан, сына, поблагодарю своих родных и уеду в Италию. Да, именно к нему! А если сын заупрямится, не захочет уехать со мной?.. Нет, тогда я не смогу оставить его и уехать одна. И не смогу не уехать...

Карантин, день 25

Я продолжаю писать. Литература — самый приятный наркотик, оправдывающий существование таких самоизолированных, как я. Наша жизнь находится на грани снов. Это немного страшит, так как сейчас на нашей планете все до единого видят один и тот же сон. Это как если в тёмном зале кинотеатра включить фильм определённого жанра и заставить всех смотреть именно этот фильм. Я так и не полюбила кино. Моя любовь — театр, порывистый и искренний, без лживых монтажей, сцен, снятых общим, средним и крупным планом.

Карантин, день 26

Мать снова плачет. Все кричат друг на друга. Я предложила ей стакан воды и попросила открыть мне сердце. Она посмотрела на меня блёклым взглядом, своей пухленькой рукой прикрыла мою костлявую руку и сказала, что всегда мечтала с концертами игры на арфе выступать в разных странах, чтобы ей аплодировали и дарили цветы. «Мам, так у тебя есть музыкальное образование?» Она на пару секунд задержала взгляд: «Девочка моя, мечты не требуют образования».

Карантин, день 30

Пока все спят, я решила испечь хлеб. Если правильно рассчитала, то мы сможем испечь ещё десять буханок хлеба, и всё. Надеюсь, что через десять буханок нас выпустят на свободу. А пока закрыты всевозможные границы мира, я смело перехожу границы Интернета. Моя итальянская любовь на фоне всеобщей боли нашла другую боль — это я. Я начала ныть, что одиночество грызёт меня, что я больше не могу так жить. Он улыбнулся своими небесными глазами и произнёс: «Нас с детства учат быть ответственными за других людей, но не

учат брать ответственность за своё одиночество». Находясь в окружении своих картин с облаками, он показался мне более далёким и очень любимым. «Опять ты куришь», — улыбнулась я. «Выкуриваю своё счастье». Я поняла, что ожидание чудес и скрытые мысли опустошают нас...

Карантин

У нас пока ничего не изменилось, если не считать, что ссоры и затишья стали более беспорядочными. Большое затишье следует за большой ссорой, а потом снова собираемся на кухне, за столом продолжаем незавершённые разговоры прошлых лет. Слова, мысли, воспоминания, словно эстафетой, передаются от одного к другому, это продолжается до тех пор, пока все не поймут, что истощены, и потихоньку не покинут поле битвы. И опять включится премьер-министр с повесткой дня, со сложной арифметикой смертей и выживших. «Я больше не в силах терпеть это. Мне хочется на родину», — говорит отец. «Эх, а кто тебя держит-то? — обиженно отвечает мать и продолжает: — Остаётся понять, где ты жить собираешься, и всё». И всё. Все вспоминают наш проданный дом, чистый воздух, оранжереевое солнце, наш переезд, ожидание и надежду, веру, спрятанную за медицинской маской, а ещё — наши просроченные документы...

Карантин

Уже два дня, как Марчелло сильно грустит. Он сказал, что цикл «облаков» пополнился кучево-дождевыми облаками. Показал. Мне не понравилось. Он понял. Я не умею скрывать свои эмоции. Он сказал, что дождевые облака приятны лишь земле. Заметила, что он отощал от голода, но он продолжал говорить о нашей любви, границах, которые очень скоро откроются, о солнце и воздухе... Мать снова обняла своё красное платье и опять продолжает требовать у отца свою слопанную жизнь... «Апчхи!»...

Карантин

Сегодня я почти весь день спала, только к вечеру сестра разбудила: «Вставай, ужин готов». По правде говоря, я не хотела есть, не спеша зашла на кухню. Я еле удержалась за стену, чтобы не упасть. Хотела закричать, но голос куда-то пропал. Застыла на месте. На стол в овальной тарелке положили моего голубя. Острые копыта вилок вонзились в его тело. Я смогла лишь повернуться и войти в туалет, затем обеими руками схватиться за унитаз... Меня словно никто не видел и не слышал. Когда вышла оттуда, до меня донёсся восторженный голос сына: «Дедушка, ты такой крутой! Как тебе удалось, а? Смотри, за несколько часов столько лайков собрали!» — «Да уж, мальчик мой, не каждому удаётся крысоловкой поймать птицу. Ты ешь, набирайся сил, нам ещё много всего предстоит сделать...»